

J. Flamion, S. J. L., professeur au séminaire de Bastogne. *Les Actes Apocryphes de l'Apôtre André. Les Actes d'André et de Mathias, de Pierre et d'André et les textes apparentés.* (Université de Louvain. Recueil de travaux publiés par les membres des Conférences d'histoire et de philologie. 33 fascicule). Louvain, Bureaux du Recueil. Paris, A. Picard et fils. Bruxelles, Albert Dewit. 1911. XVI + 330. gr. 8°.

Полный текст апокрифических „Дѣяній Андрея“, какъ извѣстно, утраченъ. По общепринятому мнѣнiю, отъ него уцѣлѣли лишь нѣсколько мелкихъ фрагментовъ въ трудахъ Еводiя Узальскаго (*De fide contra manichaeos*, cap. 38) и Псевдо-Августина (*De vera et falsa poenitentia*, cap. 8, 22) и рядъ принадлежащихъ разнымъ авторамъ православныхъ переработокъ. Построить на основанiи этого матерiала полное представлениe объ утраченномъ подлинникѣ, а тѣмъ болѣе воспроизвести его текстъ — ученые считаютъ невозможнымъ. Появлениe апокрифа обыкновенно приурочиваютъ ко II вѣку, одной изъ главныхъ частей его признаютъ „Дѣянія Андрея и Маттея, Петра и Андрея“, и видятъ въ немъ продуктъ гностической мысли. Flamion'a эта концепцiя не удовлетворяетъ, и онъ на страницахъ своего объемистаго, широко поставленнаго изслѣдованiя вноситъ въ нее цѣлый рядъ существенныхъ поправокъ.

Въ первой части книги (р. 3—87) Flamion предлагаетъ краткiй пересказъ почти всѣхъ изученныхъ имъ — преимущественно по изданiю M. Bonnet (*Acta apostolorum apocrypha. Vol. II pars I. Lipsiae, 1898. Supplementum codicis apocryphi. II. Parisiis. 1895*) — источниковъ (кромѣ *Ex actis Andreae* и выдержекъ Еводiя и Псевдо-Августина), съ указаниемъ ихъ датъ. Источники эти: — 1) *Passio sancti Andreae apostoli*, иначе *Epistola presbyterorum et diaconorum Achaiae*, написанное на латинскомъ языкѣ и сохранившееся кромѣ того въ двухъ греческихъ переводахъ, памятникъ VI-го вѣка; 2) латинское же *Passio*, начинающееся словами: „*Conversante et docente*“, VI-го вѣка; 3) Григорiя Турскаго *Liber de miraculis beati Andreae apostoli*, отъ конца VI-го вѣка; 4) написанное на греческомъ языкѣ, какъ и всѣ нижепоименованные труды, *Martyrium Andreae alterum* въ двухъ редакцiяхъ (время происхожденiя не выяснено); 5) *Martyrium Andreae prius*, VIII-го вѣка; 6) *Martyrium sancti apostoli Andreae*, извѣстное подъ именемъ *Narratio*, IX-го вѣка; 7) Епифанiя Калистрата *De vita . . . protocleti apostolorum Andreae*, отъ IX-го вѣка; 8) неизвѣстнаго автора *Acta Andreae apostoli cum laudatione contexta*, или *Laudatio*, отъ IX-го же вѣка; 9) приписываемая Симеону Метафрасту *Memoria Andreas*, IX-го вѣка.

Въ слѣдующей — кардинальной — части книги (р. 89—268) Flamion прежде всего старается возстановить подлинный текстъ мученичества

Андрея, которое заполняло конецъ апокрифа, но представлено наиболѣе значительнымъ количествомъ документовъ. Особенно пригодными для осуществленія этой цѣли автору кажутся находящіеся въ близкомъ родствѣ между собою *Mart. II* въ двухъ редакціяхъ, *Epistola graeca* съ прибавками противъ оригинала (*Epist. lat.*) и *Narratio. Mart. II* А и В — это самостоятельныя, другъ друга восполняющія работы, пользовавшія одинъ и тотъ же текстъ, который онѣ сокращаютъ каждая на свой ладъ, но по возможности словами оригинала. Прибавки греческаго перевода къ *Epist. presbyter.* прекрасно заполняютъ пробѣлы *Mart. II*, при чемъ и *Mart. II* и *Epist. graec.* другъ отъ друга не зависятъ, а черпаютъ изъ третьяго, обоемъ имъ общаго источника. *Narratio*, точнѣе 28—38 главы его, много пространнѣе разсмотрѣнныхъ выше документовъ и, повидимому (*semble-t-il*), даетъ текстъ своего источника безъ пропусковъ. Сходное въ общихъ чертахъ съ *Martyr. II* и *Epist. graec.*, *Narratio* нерѣдко уклоняется отъ нихъ, преимущественно въ рѣчахъ, но свойственныя только ему детали разсказа выглядятъ принадлежащими оригиналу (*se montrent . . . comme appartenant à sa source*). Опираясь на сравнительный анализъ четырехъ разсмотрѣнныхъ памятниковъ, Flamion реставрируетъ лежащій въ ихъ основѣ и всѣмъ имъ общій источникъ — *Martyrium-source*, по поводу котораго говорить: „Таково, на нашъ взглядъ, содержаніе, а . . . въ большинствѣ эпизодовъ и самый текстъ *Mart.-source* двухъ *Martyr. II*, *Epist. graec.* и *Narratio*“. Онъ увѣренъ, что реконструкція немногимъ короче подлинника и содержитъ всѣ заключавшіеся въ послѣднемъ подробности разсказа.

Оцѣнку другихъ текстовъ мученичества Flamion производитъ, уже опираясь на *Mart.-source*, и дѣлаетъ еще нѣсколько важныхъ открытій. *Epistola presbyter.* и *Conversante et docente*, при сходствѣ съ *Martyr.-source* въ общемъ, подчасъ въ деталяхъ, подвергають его сильной переработкѣ. *Mart. I*, которое отчасти напоминаетъ *Epist. presbyt.*, отчасти приближается къ *Mart.-source*, деформируетъ первичную легенду въ такой степени, что искать здѣсь остатковъ древнѣйшаго текста было бы напрасной тратой времени. Исключеніемъ является лишь рѣчь апостола у креста (*Acta, II, 1, p. 54—55*). Въ этомъ отдѣлѣ авторъ, вопреки своему обыкновению, не приводитъ ни одной библейской цитаты, говорить языкомъ „Дѣяній Петра, Иоанна“ и даже формально-гностическимъ и только здѣсь обнаруживаетъ явную зависимость отъ позднѣйшей греческой философіи. *Ex actis Andreae* болѣе всего подходитъ къ *Narratio*, такъ какъ оба они имѣють одинаковое количество рѣчей и даютъ одну и ту же послѣдовательность фактовъ; но первый изъ этихъ документовъ содержитъ и кое-что неприемлемое съ строго ортодоксальной точки зрѣнія втораго. Не мало также параллелей между *Ex actis Andr.* съ одной стороны и соответствующими отдѣлами *Conversante et docente*, а также *Laudatio* — съ другой. Въ виду этого „по-

эволютельно думать (*il est . . . permis de supposer*), что настоящій фрагментъ представляетъ страницу, вырванную изъ . . . *Mart.-source*, каковая догадка получаетъ высшую степень вѣроятности (*acquiert son maximum de probabilité*) при сличеніи обоихъ текстовъ“.

На основаніи главнымъ образомъ *Ex actis Andr. Flamion* утверждаетъ, что авторъ *Martyr.-source* былъ членомъ великой церкви, отнюдь не гностикомъ. Такія черты реконструкціи, какъ панхристизмъ, обособленіе Бога-творца отъ Бога-искупителя, мысль о посредствующихъ силахъ, картина экстаза, энкратизмъ, — ничего общаго съ подлиннымъ гностицизмомъ не имѣютъ и безъ особаго труда объясняются или положеніемъ выведенныхъ въ мученичествѣ лицъ или литературными приемами автора и т. п. Но, принадлежа къ церкви, авторъ стоялъ подъ сильнымъ вліяніемъ греческой философіи, въ частности — Плотина. Повидимому, онъ зналъ „Дѣянія Петра“ и пользовался ими. Что касается литературной формы, то въ этомъ отношеніи *Martyr.-source* является сколкомъ съ языческихъ греческихъ романовъ его эпохи.

Сходство *Martyr.-source* съ апокрифическими „Дѣяніями Павла, Петра, Иоанна“, встрѣчающіяся въ немъ философскія понятія, въ особенности неоплатоническія, показываютъ, что этотъ источникъ относится приблизительно къ тому времени, когда написаны первичные апостольскіе романы, иначе говоря, — *Martyr.-source* представляетъ заключительный отдѣлъ первичныхъ „Дѣяній Андрея“. Этотъ выводъ подкрѣпляется отзвукомъ цитатъ Еводія и Псевдо-Августина въ разныхъ мѣстахъ реконструкціи.

Анализъ текстовъ, содержащихъ „дѣянія“ Андрея до заключенія его въ темницу, приводитъ *Flamion'a* къ менѣе утѣшительнымъ выводамъ. Искать остатки первоисточника у Епифанія по всѣмъ признакамъ бесполезно. *Laudatio* есть не что иное, какъ болѣе продуманный и изложенный въ болѣе литературной формѣ рассказъ Епифанія. Метафраза тѣсно примыкаетъ къ тому же Епифанію, отчасти къ *Laudatio*. Григорій Турскій, имѣвшій подъ руками, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, подлинникъ апокрифа, подвергъ его сильнѣйшей переработкѣ. Впрочемъ, иногда принадлежащее этому писателю можно выдѣлать съ большимъ или меньшимъ усиліемъ и подойти къ оригиналу вплотную. Сравнительно съ другими источниками Григорію даетъ, несомнѣнно, больше, и на основаніи его книги можно судить объ общемъ характерѣ и литературной формѣ подлинника. Но о реконструкціи первой части „Дѣяній“, подобной реконструкціи мученичества, не приходится даже и мечтать.

Родиной изучаемаго памятника *Flamion* признаетъ Грецію, частности Ахаію. Въ своемъ *De miraculis*, говоритъ онъ, Григорію особенно подробно останавливается на городахъ греческихъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ, конечно, своему источнику. Имена дѣйствующихъ лицъ въ легендѣ тоже греческія и въ значительной мѣрѣ связанныя съ мѣст-

ной топографіей. Написаны „Дѣянія Андрея“ во второй половинѣ III-го вѣка: ихъ авторъ стоитъ подѣ влияніемъ неоплатонизма, а сами они упомянуты въ „Церковной Исторіи“ Евсевія Кесарійскаго (Lib. III, сар. 25, 6); къ тому же въ апокрифѣ фигурируютъ два проконсула, изъ которыхъ одинъ относится къ христіанамъ благосклонно, другой враждебно, а это какъ нельзя болѣе характеризуетъ вѣроисповѣдную римскую политику 250—300 годовъ.

Въ заключеніе своего скрупулезнаго, длиннѣйшаго анализа, который мы воспроизводимъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, Flamion заявляетъ, что жалѣть объ утратѣ подлинника „Дѣяній Андрея“ не слѣдуетъ, что извѣстное теперь объ этомъ памятникѣ апокрифической литературы по своей важности не уступаетъ тому, чего мы о немъ не знаемъ.

Въ третьей и послѣдней части книги (р. 269—324) Flamion выясняетъ, почему онъ вычеркнулъ изъ числа текстовъ, привлеченныхъ къ реставраціи изучаемаго апокрифа, „Дѣянія Андрея и Матѳея, Петра и Андрея“. Эти документы вмѣстѣ съ „Мученичествомъ Матѳея“ (всѣ три у Bonnet. Acta. II, 1), „Дѣяніями Ѳомы“ въ редакціи, изданной James'омъ (Aposcrapha anecdota. II. Cambridge, 1897), и „Дѣяніями Петра“, опубликованными Франко (Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. III. 1902), образуютъ отдѣльную группу, связанную тѣсными родственными узами. Всѣ они исходятъ изъ общихъ основныхъ данныхъ, взаимно объясняютъ и предполагаютъ другъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ существенныхъ пунктахъ они рѣзко отличаются отъ древнѣйшихъ апокрифовъ, каковы, напр., „Дѣянія Павла, Іоанна“, и отъ „Дѣяній Андрея“ въ ихъ первичной формѣ. Къ числу такихъ отличій принадлежатъ: обиліе и странный характеръ упоминаемыхъ въ нихъ чудесъ, нежеланіе считаться съ данными мѣста и времени, отсутствіе философскаго и крайняго скудость догматическаго элемента, упраздненіе энкратизма, ярко выраженный элементъ церковности и т. п. Разсматриваемую группу нельзя считать каеволической передѣлкой древнихъ гностическихъ апокрифовъ. Черты гностицизма, которыя обычно указываютъ въ ихъ текстѣ, на самомъ дѣлѣ ничего спеціально еретическаго не содержатъ. Въ данномъ случаѣ мы стоимъ передъ особымъ цикломъ легендъ, выработанныхъ независимо отъ древнѣйшихъ романистовъ школой, передъ пятью экземплярами новаго типа апокрифической литературы. Цикль этотъ (за вычетомъ, впрочемъ, „Дѣяній Петра“) возникъ, по мнѣнію Flamion'a, въ монашескихъ кругахъ, такъ какъ въ немъ занимаютъ очень видное мѣсто литургія, псалмопѣніе, посты, разные виды монашеской жизни. Точнѣе родиной его можно назвать Египетъ, такъ какъ въ составляющихъ его апокрифахъ упоминается про сфинкса, дерева у источника, статую, которая извергаетъ воду (символь нильскихъ разливовъ) и т. п. Писатель VI-го вѣка Григорій Турскій въ своемъ Liber de miraculis

уже пользуется „Дѣянїями Андрея и Матѳея“, а въ „Мученичествѣ Матѳея“ о сорокадневномъ постѣ говорится въ такихъ чертахъ, которыя не были свойственны ему до второй половины IV-го вѣка. Слѣдовательно пятичленная группа новыхъ апостольскихъ романовъ возникла въ IV—VI вѣкахъ, скорѣе всего вслѣдъ за осужденіемъ египетской церковью древнѣйшихъ апокрифовъ, т. е. около 400 года. Конечно, съ „Дѣянїями Андрея“ „Дѣянїя Андрея и Матѳея“ равно какъ и „Дѣянїя Петра и Андрея“ поставлены въ связь быть не могутъ.

Книга Flamiон'a отличается не только оригинальностью взглядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ широкой начитанностью автора въ литературѣ предмета, тщательнымъ изученіемъ текстовъ. На всемъ протяженіи ея разбросано немало мѣткихъ наблюденій, остроумныхъ замѣтокъ и выводовъ. Но наряду съ этими достоинствами приходится отмѣтить и рядъ промаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые такъ серьезны, что въ значительной степени понижаютъ цѣнность изслѣдованія.

Особенно бросается въ глаза рѣзкое противорѣчіе между догматико-философскими понятїями реставрированнаго Flamiон'омъ текста и той оцѣнкой „Дѣянїи Андрея“, какую даютъ Евсевій Кесарійскій, Епифаній Кипрскій, Филастрій Брешийскій и друг. Всѣ они — одни прямо, другіе косвенно — говорятъ о „еретичности“ документа. Особенно важно въ данномъ случаѣ свидѣтельство древнѣйшаго изъ поименованныхъ авторовъ Евсевія Кесарійскаго, который упоминаетъ, внѣ всякаго сомнѣнїя, о первичномъ текстѣ апокрифа. „Мы, — пишетъ онъ въ III-ей книгѣ своей „Церковной Исторїи“ (глав. 25, 6—7), — сочли нужнымъ перечислить“ наряду съ общепризнанными новозавѣтными книгами и подложныя, „чтобы имѣть понятіе какъ о названныхъ сейчасъ сочиненїяхъ, такъ и о другихъ, распространяемыхъ еретиками подъ именами апостоловъ, напримѣръ, Петра, Фомы, Матѳея, и о тѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ Евангелїя прочихъ мужей кромѣ поименованныхъ, — и о Дѣянїяхъ будто-бы Андрея, Іоанна и другихъ апостоловъ. Объ этихъ книгахъ не упоминалъ въ своемъ сочиненїи ни одинъ изъ ряда церковныхъ писателей. При томъ самый характеръ рѣчи въ этихъ книгахъ уклоняется отъ тона апостольскаго; даже мысли и заключающїяся въ нихъ положенїя весьма далеко отступаютъ отъ истиннаго православїя и явно представляются вымыслами еретиковъ. Поэтому не только должно почитать ихъ подложными, но и отвергать, какъ нелѣпыя и нечестивыя“. Изъ словъ знаменитаго историка съ очевидностью слѣдуетъ, что „Дѣянїя Андрея“ не только вышли изъ „еретическихъ“ рукъ, но и были переполнены неправославными мыслями, что они встрѣтили единодушное осужденіе со стороны представителей церковной догмы. Это свидѣтельство тѣмъ внушительнѣе, что всѣ апокрифы, названные его авторомъ наряду съ „Дѣянїями Андрея“, носятъ явный отпечатокъ внѣцерковныхъ воззрѣнїй. Тщательныя научныя изысканїя установили этотъ фактъ непререкаемо. Къ сказанному

надо прибавить, что если бы Кесарійскій епископъ имѣлъ предъ собою текстъ, тожественный съ реконструкціей Flamion'a, то вмѣсто рѣзкаго осужденія выразилъ бы одобреніе. Многія и при томъ наиболѣе характерныя догматико-философскія понятія этой реконструкціи можно встрѣтить и въ сочиненіяхъ Евсевія. Онъ, напримѣръ, мыслилъ Бога, какъ ультратрансцендентное начало, полагалъ между источникомъ бытія и конечно-тварнымъ міромъ непроходимую бездну, въ извѣстныхъ предѣлахъ признавалъ обязательнымъ для христіанъ энкратизмъ и, какъ сторонникъ Плотина, могъ считать вполне приемлемой его теорію экстаза. Историкъ не указываетъ, какіе именно „еретики“ придумали „Дѣянія Андрея“, но, судя по тому, что названный апокрифъ упоминается у него въ связи съ гностическими трудами, можно смѣло признать этотъ трудъ произведеніемъ гностиковъ.

Отмѣченное противорѣчіе обязываетъ думать, что Flamion охарактеризовалъ идейную сторону „Дѣяній Андрея“ неудачно, а конструированное имъ *Martyr.-source* отнюдь не покрываетъ второй половины первичнаго ихъ текста. Само собою понятно, что признавать *Ex actis Andreae* страницей, взятой изъ древняго апокрифа, нельзя. Въ гностическихъ апокрифахъ характерными для ихъ авторовъ мыслями наполнялись по преимуществу рѣчи дѣйствующихъ лицъ, и такой обширный отдѣлъ, какъ *Ex actis*, весь сотканный изъ рѣчей, конечно, не могъ остаться свободнымъ отъ явно „еретическихъ“ понятій. Можно сомнѣваться также въ неповрежденности и другихъ рѣчей реконструкціи, именно тѣхъ, которыя, по Flamion'у, содержатъ подлинный текстъ „Дѣяній“, но которыя тѣмъ не менѣе чужды тенденцій, свойственныхъ противникамъ великой цѣркви. Исключеніе составляетъ, быть можетъ, рѣчь апостола у креста, хотя и здѣсь вполне допустимы позднѣйшія интерполяціи.

Въ тѣхъ частяхъ мученичества, которыя содержатъ разсказъ, реставрація выполнена, разумѣется, болѣе удачно. Здѣсь Flamion имѣлъ дѣло съ такимъ элементомъ, исказить который до неузнаваемости не представлялось особыхъ побужденій. Вполнѣ допустимо поэтому, что почтенный ученый сумѣлъ возстановить основную нить повѣсти, воскресить главнѣйшіе ея эпизоды. Однако его увѣренность, что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи всѣ детали мученичества, да еще переданныя нерѣдко словами первоисточника, покоится на шаткихъ основаніяхъ. Обѣ редакціи *Martyr. II* написаны по одному и тому же тексту, но что онѣ воспроизводятъ начальный апокрифъ, это не болѣе, какъ догадка и при томъ довольно рискованная, потому что Flamion не потрудился доказать раннѣйшаго сравнительно съ другими документами (*Epist. presbyter.*, *Conversante et docente*, *Epist. graec.* и др.) происхожденія *Martyr. II*. Такой же догадкой является и мысль о полнотѣ *Narratio*, о чемъ, впрочемъ, заявляетъ и самъ авторъ.

Вышесказанное наводитъ на мысль, что подлинный текстъ второй, наиболѣе документированной части „Дѣяній Андрея“ и послѣ ра-

боты Flamion'a остается намъ мало извѣстнымъ. А если къ этому присовокупить, что свѣдѣнія о первой половинѣ апокрифа очень скудны и ограничиваются въ сущности одной переработкой Григорія Турскаго, то придется глубоко пожалѣть о гибели подлинника „Дѣяній“.

Разумѣется, мысль о написаніи первичныхъ „Дѣяній Андрея“ не ранѣе второй половины III-го вѣка должна быть оставлена. Указанный terminus a quo у Flamion'a покоится главнымъ образомъ на увлеченіи апокрифа неоплатонизмомъ. Но эта черта говоритъ лишь о позднѣйшемъ сравнительно съ первоисточникомъ происхожденіи извѣстнаго намъ текста. Другое соображеніе Flamion'a въ защиту выставленной имъ даты легко приложимо къ памятнику не только III-го, но и II-го вѣка.

Аргументы, которыми доказывается принадлежность „Дѣяній Андрея и Матѳея, Петра и Андрея“ къ особой группѣ апокрифовъ, стоящей внѣ связи съ древнѣйшими апокрифами, подобраны у нашего автора съ большимъ искусствомъ. Тѣмъ не менѣе ему надо поставить въ упрекъ слишкомъ пренебрежительное отношеніе къ свидѣтельству Григорія Турскаго. Въ предисловіи къ своему Liber de miraculis . . . Andreae apostoli (Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum merovingicarum. I, 2, 827. Hannoverae, 1885) послѣдній пишетъ: „Я встрѣтилъ книгу о чудесахъ святого апостола Андрея, которую изъ-за чрезмѣрнаго многословія нѣкоторые называютъ апокрифомъ. Въ виду этого мнѣ захотѣлось, извлеки . . . только чудеса и опустивъ все, что способно нагнать скуку, изложить достойное удивленія въ одномъ небольшомъ томѣ“. Этотъ томъ Григорій начинаетъ сокращеннымъ пересказомъ „Дѣяній Андрея и Матѳея“ и, закончивъ его, безъ всякихъ оговорокъ переходитъ къ дальнѣйшему повѣствованію. Ясно, что въ оригиналѣ, которымъ пользовался Турскій епископъ, „Дѣянія Андрея и Матѳея“ стояли въ тѣснѣйшей связи съ „Дѣяніями Андрея“, составляли съ ними одно неразрывное цѣлое. А это даетъ серьезный поводъ думать, что аналогичный фактъ имѣлъ мѣсто уже въ первичномъ текстѣ „Дѣяній Андрея“.

Мысль Flamion'a объ участіи египетскаго монашества въ созданіи цѣлага ряда апокрифическихъ легендъ весьма заманчива. Она какъ будто выясняетъ причину широкаго распространенія апокрифовъ среди православныхъ, въ частности въ восточной церкви, несмотря на отрицательное отношеніе къ этимъ документамъ со стороны представителей духовной власти. И все-таки приходится констатировать необоснованность этой мысли. Намъ извѣстна монашеская литература IV вѣка, къ концу котораго Flamion приурочиваетъ появленіе второго цикла апокрифическихъ легендъ; благодаря этой литературѣ мы освѣдомлены о тѣхъ интересахъ, которыми жило и руководилось монашество Египта; однако напрасно стали бы мы искать здѣсь указаній на стремленіе монаховъ заполнить апокрифами пробѣлы канонической письменности.

А. Мишинъ.